

ЯКОВЛЕВ А.А.
(Россия, Красноярск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, смысл, значение

В разных науках о человеке в понятия смысла и значения вкладывается различное содержание. Важно различать попытки синтеза подходов и случаи их смешения. В статье рассматривается возможность применения различных подходов к трактовке понятий смысла и значения в рамках языкознания.

Yakovlev A.A.
(Russia, Krasnoyarsk)

Key words: cognitive linguistics, sense, meaning.

The paper proposes the analysis of different approaches to the concepts of sense and meaning. The great difference is between cases of integrating different approaches and mixing them up. Therefore it's important to understand the possibilities to integrate other sciences concepts in linguistics.

Как в лингвистике, так и в психологии используются понятия *смысла* и *значения*; разумеется, что в разных науках в эти понятия вкладывается неодинаковое содержание. Однако при детальном рассмотрении названные понятия в двух науках имеют намного больше общих черт и характеристик, чем различий, что не говорит о простоте использования психологического подхода к этим понятиям в языкознании.

Начнём с лингвистики. Одним из подходов, наиболее явно разграничивающих указанные понятия, является подход с позиций стратификации семантики, то есть такой, при котором смысл является некоторым мыслительным инвариантом языковых значений. Так, А.В. Бондарко пишет: «Необходимо различать 1) **языковые значения**, т.е. значения единиц, классов и категорий данного языка, и 2) **смысл** (смысловое, мыслительное, когнитивное содержание) – содержание, не связанное лишь с какой-то одной формой или системой форм данного языка, т.е. имеющее универсальную природу. Такое содержание может рассматриваться как инвариант внутриязыковых синонимических преобразований и межъязыковых соответствий...» [2. С. 5]; ср. [1; 3; 4. С. 18, 244]. Для краткости дальнейшего изложения обозначим значение, рассматриваемое с таких позиций, как значение₁. При таком рассмотрении значения и смыслы не просто являются различными явлениями, но вообще могут существовать независимо друг от друга. Более того, этот подход не позволяет выйти за рамки языка как построения лингвиста, самому говорящему индивиду здесь места не остаётся, речь здесь идёт о единицах языковой системы, а не языка как достояния индивида. Хотя и указывается, что говорящий «...может использовать различные комбинации языковых единиц, выбирая средства, необходимые в данный момент, при данных условиях коммуникации для передачи тех или иных оттенков смысла» [2. С. 12], но всё же остаётся не прояснённым отношение этой возможности к речевой деятельности индивида и к его психике в целом (мотивационно, структурно, и т.п.). Для преодоления этого противоречия необходим подход, оперирующий понятиями значения и смысла как достоянием индивида, т.е. психолингвистический подход.

С точки зрения психолингвистики, значения суть сливающиеся в «средние итоги» впечатления от многократных соотнесений аналогичных, но не идентичных чувственных групп с одним и тем же словом, которые (впечатления) формируют «объективное ядро» данного слова (обозначим это как значение₂). Смысл же слова – это продукт преломления

значения слова через призму субъективного опыта индивида [5. С. 48]. Значение как бы соединяет внутренний и внешний мир: выработанная обществом система значений слов, принимаемая за инвариант, помогает слову, с одной стороны, быть средством выхода на индивидуальную картину мира, а с другой – средством соотнесения личностных картин мира [5. С. 231–232]. При этом значение не всегда является каким-то кирпичиком смысла, за счёт которого смысл выражается: «...То, что имеет смысл для индивида... не ограничено языком и даже знаками» [5. С. 249]. Несмотря на то, что значения и смыслы слиты в сознании человека, что их функционирование осуществляется неразрывно, однако значения имеют ярко выраженную общественную отнесённость, смыслы – индивидуально-личностную.

В психологии (особенно в отечественной), работающей не только с языком, значения и смыслы разделяются на схожих основаниях: смыслы суть личностные «образования», в то время как значения (далее – значение₃) имеют социальную и культурную природу; смыслы относятся к образу мира, значения – к инвариантной его части. «...Инвариантный образ мира непосредственно соотнесён со значениями и другими социально выработанными опорами, а не с личностно-смысловыми образованиями как таковыми» [8. С. 273], он составляет культурную «сердцевину», единую для всех членов социальной группы или общности [Ibid.]. Смысл выражает укоренённость индивидуального сознания в бытии человека, а значение – подключённость этого сознания к сознанию общественному, к культуре [7. С. 254]. Однако значения не есть некоторые составные части смысла или средства выражения смыслов: «Распространённое... резкое различие значения и смысла как объективного и субъективного является слишком сильной абстракцией. <...> Смыслы, как и значения, связаны со всеми компонентами структуры сознания [7. С. 254, 255]. Значения₃ связаны не только со словом или знаком, они могут быть присущи также и действиям [7. С. 367–368].

Можно было бы разграничить смысл, смысл и смысл, однако во всех трёх подходах под этим понятием подразумевается примерно одно и то же. Другое дело, что «чистый» лингвистический подход не даёт возможности (да и не ставит перед собой такой задачи) говорить о смысле как о психическом явлении; для лингвистики смысл равен содержанию текста, имплицитно подразумевается, что то, что выражено предложениями текста, – это именно то, что хотел выразить его автор, что находится в его сознании. Для психолингвистики смысл – это также смысл текста, но уже как достоинства индивида, без воспринимающего или порождающего текст человека смысл не существует. Для психологии смыслом, как и значением, может обладать не только слово или знак. Нас пока интересуют не различия в трактовках смысла, а различия в соотношении понятий значения и смысла.

Значение₁ является по сути своей застывшим, оно существует независимо от смысла и предзадано ему, являясь своего рода ярлыком, указателем на некоторое мыслительное содержание могущее быть выраженным с помощью некоторых (или других) значений. Потому-то, видимо, понятие смысла в лингвистике сводится к содержанию текста. Значение₁ не может быть соотнесено с живым понятием, живым знанием, живым человеком. Значение₂ и значение₃ могут. Значение₂, являясь средством выхода на образ мира индивида, является квантом живого знания языка и языкового отражения действительности в сознании. Значение₃, как уже указывалось, связано со смыслом и со всеми компонентами сознания, а также с интеллектом и аффектом [7. С. 325]. Значение₂ и значение₃ являются, таким образом, частью *переживаемого опыта* индивида.

Значение₁ не обладает динамическими характеристиками, оно является однозначно данным; в лучшем случае возможно рассмотрение значения₁ с исторических позиций, однако и в таком случае рассматриваются некоторые статические состояния, но не динамика возникновения, развития, изменения и функционирования значения в сознании индивида. Значение₂ в принципе динамично, так как индивидуальный речевой опыт (по Л.В. Щербе) подвергается постоянной переработке под влиянием внутренних и внешних факторов: «...Индивидуальная система значений формируется в процессах познания и общения, становления личности и её социализации...» [6. С. 12]. Значение₁ является, в первую

очередь, значением слова в словаре, оно очищено от перцептивного и аффективного опыта индивида, от переживания и деятельности (всего того, что и «входит в состав» смысла), оно может быть соотнесено не с личностью или сознанием, а лишь с лингвистическим конструктом. Поэтому смысл имплицитно представляется как смысл предложений текста, существующего независимо от и вне индивида. Хотя и указывается, что смысл является некоторым инвариантом различных значений₁, но всё же последние не могут быть соотнесены даже с инвариантным образом мира, не говоря уже об индивидуальном. Если же попытаться это сделать, то мы с необходимостью перейдём на психолингвистические позиции (то есть будем говорить уже о значении₂) или будем выдавать лингвистическую модель языка за психолингвистическую, что в принципе своём неправомерно [5. С. 85 282–283]. Впрочем, лингвистический подход, ещё раз обратим на это внимание, не ставит перед собой целей подобного соотнесения.

Мы вовсе не утверждаем, что подход, при котором изучаются значения₁, является неверным или устаревшим. Однако мы стремимся подчеркнуть порочность и методологическую несостоятельность подходов, при которых различные трактовки значения и смысла смешиваются, когда одно (намеренно или случайно) подставляется на место другого, а в результате желаемое выдаётся за действительное.

В свете только что сказанного мы хотим выразить нашу обеспокоенность современным положением дел в наиболее активно развивающихся областях и направлениях лингвистики. В последние годы появился, не побоимся этого слова, целый шквал публикаций, посвящённых когнитивным проблемам языка, «человеческому фактору» в языке, антропоцентрической парадигме и другим наиболее актуальным (читай: модным) темам современного языкознания. Но во многих подобных работах материалом исследования служат слова из словарей и/или корпусов. Конкретных имён и названий публикаций здесь приводить, по всей видимости, не стоит; думается, что читателю не составит труда припомнить хотя бы несколько таких. Опасения вызывает та лёгкость, с которой некоторые авторы делают выводы о тех или иных аспектах смысла, сознания, мышления, образа мира (хотя, к сожалению, это понятие встречается в лингвистических работах крайне редко!), эмоциях, социокультурных стереотипах и т.п. на основании лишь анализа лексем и дефиниций. Примером может служить встретившееся нам в одной из недавно вышедших книг по концептам русской лингвокультуры утверждение о том, что русские якобы не употребляют выражение «доброе утро», например, для приветствия коллег в первую половину дня, а только непосредственно после пробуждения (причём авторы этой довольно объёмной монографии – авторитетные лингвисты). И никаких экспериментальных данных в подтверждение этого положения не приводится, а выводы делаются весьма разнообразные и далеко идущие.

Два взгляда на значение слова и смысл: психологический (психолингвистический) и лингвистический – это не просто два подхода к одному и тому же явлению, это два разных подхода к *разным* явлениям. В первом случае изучается язык как достояние индивида, во втором – как лингвистический конструкт. Даже если допустить возможность применения лингвистического подхода к языку как психолингвистической сущности, то оно должно начинаться с выработки соответствующего понятийного и методологического аппарата, с соответствующего построения и составления словарей (имеем в виду не только различного типа ассоциативные словари) и т.д. Но ни в коем случае изучение сознания человека на основании значений₁ (если таковое вообще возможно) не должно исходить из простого механического переноса результатов анализа этих значений на деятельность и сознание живого человека.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
2. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 220 с.
3. Бондарко А.В. О стратификации семантики / А.В. Бондарко. // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1998. С. 51–63.
4. Валгина Н.С. Теория текста: Учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
6. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова и возможности её исследования / А.А. Залевская // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс. – 2010. – Вып. 40. – 156 с.
7. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт / В.П. Зинченко. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
8. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.